

ТЕМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И СИБИРИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Характеризуются исследования, посвященные вкладу Сибири в общие усилия страны по ведению Первой мировой войны, оценивающие вклад сибиряков в военные действия, состояние экономики и повседневности (организация государственной и общественной помощи раненым, инвалидам, семьям призванных, сиротам, военнопленным, беженцам). Актуализируется тема по подсчету военных потерь сибиряков, их мемориализации, составлению списков убитых, раненых и пропавших без вести.

Ключевые слова: Первая мировая война; Сибирь; тыл; мобилизация; помощь; историография.

Тема Первой мировой войны (ПМВ) находит отражение в общероссийских конференциях и изданиях, а также в региональной литературе. Издана трехтомная историография ПМВ [1]. Д.А. Мальцев охарактеризовал советскую историографию ПМВ [1. Кн. 1. С. 15–30], он же привел оценки ПМВ глазами историков русского зарубежья [Там же. С. 30–42]. Р.Н. Рахимов проанализировал современную российскую историографию ПМВ [Там же. С. 43–94]. В целом показав глобальные процессы в историографических оценках ПМВ, авторы уделили мало внимания её региональной истории, сосредоточившись лишь на особенностях исторической памяти в изучении ПМВ у народов, входивших в состав Российской империи [Там же. С. 127–249]. Лишь Д.В. Карнаухов в статье «Польша. Чужая война» опубликовал фотографии, на которых изображены новосибирские реконструкторы (Новониколаевский военно-исторический клуб), установившие памятные таблички, знаки и крест на военном кладбище в д. Хойново (Польша) [Там же. С. 214–215].

Вновь акцентируются вопросы о причинах и характере ПМВ [1. Кн. 3. С. 5–46], состоянии вооруженных сил Российской империи и военных действиях в годы войны (П.В. Мультатули) [Там же. С. 47–157]. К.А. Залесский возвращается к, казалось бы, исследованной теме о потерях русской армии в годы Второй Отечественной войны [Там же. С. 175–185]. М.Б. Смолин рассматривает связь Первой мировой войны с революцией [Там же. С. 233–242].

В монографии В.Н. Суряева представлена обобщающая информация об армии накануне и в ходе ПМВ. Достаточно взвешенный подход в оценке действий русских войск показывает, что в ходе проходивших операций сибиряки (без акцентирования исследователем внимания на национальном и региональном составе войск) были составной частью тех процессов, которые привели к оттягиванию сил противника с западного фронта и неудавшемуся блицкригу германских войск по разгрому сил союзников [2. С. 307–357].

В регионах РФ о ПМВ не забывают. Например, в книге Т.И. Трошиной «Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны» отражена специфика строительства Мурманской железной дороги для переброски военных грузов [3. С. 117–127].

Исследуются вопросы ПМВ и в Сибири. В 2013 г. в Красноярске прошел Сибирский исторический форум, посвященный значению Сибири в годы ПМВ [4].

По его итогам вышел сборник статей, который выстроен по тематическому принципу. Показаны действия сибирских воинских частей на полях сражений в начале XX в. Первым боям сибирских армейских корпусов в ПМВ посвящена статья П.А. Новикова [4. С. 49–54], вновь обращается к исчислениям потерь Вооруженных сил России в годы ПМВ А.В. Толмачева [Там же. С. 54–57], боевые пути 39-го Томского и 42-го Сибирского пехотных полков в годы ПМВ осветили В.И. Голиков и К.А. Чернов [Там же. С. 66–70, 71–75]; о енисейском казачестве в годы ПМВ сообщает В.А. Паршуков [Там же. С. 76–80]. Сибирский тыл в годы ПМВ охарактеризовал В.П. Зиновьев [Там же. С. 92–95]; о кризисе снабжения в сибирском регионе в годы ПМВ написал М.И. Вторушин [Там же. С. 106–110]; о положении в Сибири в годы лихолетий, об антиалкогольной кампании пишут М.В. Шиловский и А.Е. Калюга [Там же. С. 126–131], о мигрантах и кампании ксенофобии в Сибири повествуют А.С. Кузьменко и В.Ю. Пруцков [Там же. С. 119–120, 123–125].

В сборнике отражены социальная помощь и благотворительность в период войн. Е.Е. Ермакова и Т.А. Катцина раскрывают роль общественных организаций Енисейской губернии в помощи воинам – участникам ПМВ [Там же. С. 138–140, 141–145]; В.В. Бибикина пишет о благотворительной деятельности просветительских организаций в эти же годы [Там же. С. 150–153]; о роли дамских комитетов Енисейской губернии сообщает работа О.М. Долидович [Там же. С. 154–157]. В.В. Нагорных регионализует вклад минусинцев в ПМВ [Там же. С. 158–162]. Также отражаются последствия военных конфликтов, историческая память и образы войны. О роли политических ссыльных в Сибири в годы ПМВ пишет В.В. Кудряшов [Там же. С. 181–186]; о политических партиях правонационалистического толка сообщает Г.А. Корнеева [Там же. С. 192–198]; об источниках по истории ПМВ в воспоминаниях и документах пишут Э.Г. Колесник и М.Г. Тарасов [Там же. С. 203–206]; Н.С. Храпова характеризует документы о ПМВ в Историческом архиве Омской области [Там же. С. 209–212]; О.Ф. Гордеев докладывает о «начале формирования документальной базы отечественной историографии Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.)» [Там же. С. 218–222]. Сборник сопровождается документами и фотографиями великолепного качества, хотя и в черно-белом изображении [Там же. С. 262–291].

Через год, в 2014 г., прошла конференция в г. Новосибирске с участием зарубежных представителей

[5]. Итоги конференции подведены в статье В.И. Баяндина и А.В. Запорожченко [6]. В итоговом сборнике статей, помимо означенных в Красноярске проблем, появляются и новые: М.В. Шиловский исследовал трансформацию общественных настроений сибиряков в годы ПМВ, о чем он чуть позже напишет в обобщающей монографии [5. С. 7–12]; о положении экономики Томской губернии по материалам справки Томской губернской казенной палаты сообщил В.П. Зиновьев [Там же. С. 12–17]. Более детально к характеристике состояния промышленности Западной Сибири в этот период подошел И.А. Еремин [Там же. С. 18–23]. О состоянии воинских формирований в Сибири сообщал П.А. Новиков [Там же. С. 25–27]. О.Н. Катионов обозначил проблему создания мортиролога убитых, раненых и пропавших без вести сибиряков [Там же. С. 27–30]. Характеристику новобранцев накануне ПМВ, т.е. призыва 1913/14 гг., представил В.И. Баяндин [Там же. С. 46–48].

В Вестнике Томского государственного университета опубликован ряд статей, связанных с характеризуемой темой. Н.С. Ларьков обратился к персональной истории офицерского корпуса сибиряков, показав образ будущего лидера белого движения в Сибири А.Н. Пепеляева, который вместе со своим 42-м сибирским стрелковым полком в течение 1914–1917 гг. принимал непосредственное участие во многих боях [7. С. 106–112]; П.А. Новиковым приведен краткий обзор воинских соединений и частей, отправленных на фронт из Сибири. Подробно рассмотрены данные о людских потерях как сибирских корпусов и полков, так и русской армии в целом [8. С. 92–97].

Ряд статей опубликован в журнале «Гуманитарные науки в Сибири». В № 3 за 2014 г. целый раздел был посвящен 100-летию Первой мировой войны. А.И. Тимошенко подвергает анализу концепт «сибирский тыл» (конец XIX – начало XX в.) [9. С. 5–8]; М.В. Шиловский охарактеризовал органы государственного управления и городского самоуправления в Азиатской России во время Первой мировой войны (август 1914 г. – февраль 1917 г.) [Там же. С. 19–22]; В.М. Рынков выявил специфику социальной мобильности в годы Первой мировой войны в Азиатской России [Там же. С. 32–36].

В мае 2016 г. на базе Новосибирского госпедуниверситета прошла конференция, посвященная 100-летию Брусиловского прорыва.

Таким образом, тема Первой мировой войны и Сибири активно изучается в кругах сибирских историков по разным направлениям. Требовалось эти направления объединить и создать обобщающее исследование.

К настоящему времени вышел ряд монографий по истории Сибири и об участии сибиряков в событиях ПМВ. Как написано в аннотации к книге М.В. Шиловского «Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь», «в монографии предпринята попытка в постановочной форме рассмотреть следующие проблемы темы “Сибирь и Первая мировая война”: вклад сибиряков в военные действия; экономика; военная повседневность (раненые, инвалиды, семьи призванных, военнопленные, беженцы, организация помощи

им); связь фронта и тыла; общественно-политическая и культурная жизнь региона» [10. С. 2].

В целом, считая правильным посыл о постановочном значении данной книги, отметим следующее: автору удалось впервые создать комплексный труд, охватывающий четыре главные проблемы: 1) охарактеризовать военный потенциал Сибири в Первой мировой войне; 2) проанализировать состояние экономики региона, отметить основные тенденции её развития; 3) представить картину военной повседневности сибирского тыла; 4) связать повседневность с общественно-политической, конфессиональной и культурной жизнью региона в военных условиях, и оценить вклад историков в данную тему.

По первой проблеме (военной) накоплена богатая литература, созданная за последнее двадцатипятилетие. К характеристике военного потенциала Сибири в Первой мировой войне исследователь привлекает работы военных историков Ю.А. Фабрики [11], Ю.М. Рашупкина [12], И.А. Еремина [13], Ю.П. Горелова [14], П.А. Новикова [15].

Первое, с чего начинается М.В. Шиловский, – это организация мобилизации.

Мобилизация в Сибири описана также в труде Ю.А. Фабрики, вышедшем в 2015 г. Ю.А. Фабрика особо не касается волнений, вызванных проводами в армию сибирских крестьян, показывает организацию призыва, наличие соответствующих мобилизационных структур, определяет общее число призванных сибиряков в составе сибирских стрелковых и артиллерийских частей, а также маршевых рот, отправлявшихся из Сибири на разные фронты в части несибирского формирования для пополнения убыли в этих частях [16. С. 207–238]. Им же освещается участие сибиряков в боевых действиях на фронтах Первой мировой [Там же. С. 239–383].

М.В. Шиловский отмечает неоднозначное отношение сибиряков к мобилизации. Наряду с патристической риторикой и настроениями, сибирские крестьяне-призывники отнеслись к мобилизации как к несчастью. Прошли пьяные бунты-погромы винных лавок в ряде городов – Барнауле, Новониколаевске, Кузнецке, Камне, Ишиме, Мариинске и др. В советский период эти волнения рассматривались как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия (А.А. Храмков, Л.М. Горюшкин) [10. С. 21], а в постсоветский – как проявление двух подходов: во-первых, волнения указывали на вообще негативное отношение населения к воинской повинности, а во-вторых, начало антиалкогольной кампании спровоцировало волнения, так как нарушалась традиция проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба всех – и призывников, и их родственников. Об этих фактах исследователь пишет, ссылаясь на данные И.А. Еремина, Т.А. Кижаевой и С.Ю. Шишкиной [17. С. 231; 18. С. 55–56]. Итак, стихийность и невозможность напиться в условиях закрытия питейных заведений спровоцировали часть призывников на выступления. М.В. Шиловский выделяет и третий фактор, помимо психоментальных проявлений, – это явные

просчеты и недостатки в организации мобилизации, которые сыграли роль детонатора. Мобилизованные сутками ждали на сборных пунктах отправки дальше или погрузки в эшелоны.

А.В. Аксенов несколько по-иному оценивает отношение к войне части общества в 1914 г.: «Если слухи городской среды объясняли причины войны контрреволюционными мероприятиями царской власти, т.е. чтобы перебили друг друга пролетарии воюющих стран, то в деревне возникла близкая версия, актуальная для крестьян. Говорили, что война затеяна для того, чтобы перебить крестьян и тем самым решить проблему нехватки земли. В декабре 1914 г. собравшиеся за покупками в томской артельной лавке крестьяне рассуждали: «Вы думаете, эта война идет из-за каких-нибудь наших интересов? Нет, ничего подобного – просто-напросто наш государь Николай и германский Вильгельм как раньше пили шампанское вино, так и теперь пьют его вместе; войну же ведут из-за того, чтобы уничтожить миллионы порядочных людей» [19. С. 123].

Призывные кампании нашли в первую очередь отражение в монографии И.А. Еремина, посвященной тылу Томской губернии. Он приводит частные примеры, связанные с проводами в армию в Барнауле, соглашаясь с оценками произошедших беспорядков как «винных бунтов» [13. С. 101]. Называет конкретное число призывов (каждый, скорее всего, сопровождался проводами, может быть, и не такого масштаба, как в начале войны, так как пьяного разгула уже не было), которые пережила Россия – а их было 20. Из Томской губернии призвано было около 600 тыс. из примерно 1 млн из всей Сибири [Там же. С. 98]. И.А. Еремин оценивает долю томичей от всех призванных по ОмВО в 50% и считает каждого 35-го новобранца призванным в русскую императорскую армию в 1914 г. из Томской губернии [Там же. С. 106]. Суммируя итоги мобилизационных кампаний 1914 г., автор считает, что из примерно 600 тыс. призванных из губернии за годы ПМВ до 1/3 было мобилизовано за первый военный год [Там же. С. 111]. Таким образом, доля Томской губернии по призывникам составляла половину всех призывников Сибири.

Более организованно мобилизация прошла у казачества [10. С. 398–400; 20]. Однако и здесь были проблемы. Так, мобилизация иркутского и красноярского казачьих дивизионов была объявлена 26 июля 1914 г. Сама мобилизация прошла немного лучше, чем в 1904 г. Сроки прибытия казаков составили от 10 дней до трех месяцев. Некоторые явились без обмундирования, снаряжения или лошадей [21. С. 258]. Большая часть была направлена в распоряжение МВД или, получив отсрочку от призыва, приступила к военно-полицейским обязанностям.

Часть казаков, особенно зажиточных, быстро добились увольнения от службы. Вообще Г.И. Романов довольно подробно пишет об этом сюжете, резюмируя: «Видно, что по мере роста богатства чувство патриотизма атрофируется, а совесть исчезает как рудимент» [Там же. С. 262].

Именно военно-полицейская служба стала препятствием для отправления восточносибирских казаков

на фронт. В 1914 г. казаки сразу же погасили волнения пьяных солдат в Ачинске. В 1916 г. Иркутскому и Красноярскому казачьим дивизионам удалось, не прибегая к помощи, подавить выступления солдат Красноярского гарнизона. Поэтому сама мысль об отправке на фронт этих казаков для МВД была недопустима. Причина отказа казакам служить на театре военных действий заключалась еще в том, что правительство опасалось углубления китайской революции 1911 г. и перекидывания волнений на Урянхай и Монголию [21. С. 263–264].

Г.И. Романов сравнивает: всего на фронтах воевало до 370 тыс. казаков, или 7,6% казачьего населения России; из иркутских и енисейских казаков на фронт попали только чуть больше 100 человек, бежавших в действующую армию по собственной инициативе [Там же. С. 265].

Таким образом, на военно-полицейской службе были задействованы иркутские и енисейские казаки общей численностью до 1 500 чел. (из них на фронте не более 300), т.е. более 10,5% всего казачьего населения. Значительно больше в процентном отношении (до 12%) выставляли якутские казаки – более 300 человек в составе Якутского пешего казачьего полка МВД [Там же. С. 266].

Несколько другая картина по Томской губернии. И.А. Еремин отмечает, что казаки Томской губернии входили в состав Сибирского казачьего войска. Их было 12 тыс. из всего состава войска в 172 тыс. чел. [13. С. 101]. Он также отмечает организованность и оперативность в организации мобилизации. Однако возникли проблемы с приобретением казаками за свой счет строевых лошадей, обмундирования, снаряжения и холодного оружия. Не все могли это себе позволить. Причины исследователь находит в том, что после войны с Японией в казачьих войсках почти не увеличивались войсковые капиталы. Правительство в возникшей ситуации оперативно взяло на себя все необходимые расходы [Там же. С. 104]. Сибирское казачье войско активно участвовало в боевых действиях на Кавказском и других фронтах, а также выполняло функцию по подавлению мятежа в Степном генерал-губернаторстве в 1916 г. Некоторые казачьи части власти сняли прямо с фронта. Это свидетельствовало о масштабах восстания в мятежных районах [Там же. С. 130–131]. Т.е. можно сказать, что мятеж казахов, киргизов и других народностей Степного генерал-губернаторства был первым ударом в спину российской армии, несшей тяжелые потери на фронтах ПМВ. Сейчас на территории новых суверенных государств ставятся памятники борцам за национальное возрождение и независимость, а в сибирских и бывших губернских и уездных городах редко найдешь упоминание о солдатах Первой мировой.

Ю.А. Фабрика отдельно представил вклад сибирских казаков в боевые операции ПМВ [22. С. 323–361]. Им определено на 1 декабря 1915 г. (без Кавказского фронта) 6 полков, 2 сотни – 106 офицеров и 5 922 нижних чина. Всего же в Кавказской и других действующих армиях воевали 4 384 казака из ОмВО [22. С. 324, 326].

Общей информации о сибирских казаках в действующей армии в разные периоды ПМВ нам обнаружить не удалось, пока есть только фрагменты.

М.В. Шиловский показывает роль и значение сибирских соединений на фронтах войны в кратком очерке своей монографии, поясняя, что проблема участия сибиряков в боевых действиях во время Первой мировой войны является предметом специального и обстоятельного исследования не одного поколения историков. Используются наработки при написании статьи в «Исторической энциклопедии Сибири» (2009) совместно с Д.Г. Симоновым под названием «Первая мировая война», а также военных историков из Сибири П.А. Новикова, Ю.А. Фабрики, Ю.М. Ращупкина. В основном автором представлена общая картина участия сибирских стрелковых корпусов, а их было сформировано семь и одна отдельная 11-я Сибирская стрелковая дивизия, на фронтах ПМВ. Показана роль каждой боевой единицы такого масштаба, и отдельно приведены примеры сражений и боев, участниками которых корпуса и их части являлись. Обращено внимание на казачьи части [10. С. 35–37]. Поясняется понятие «сибирское соединение». Сам факт их формирования за Уралом в Омском, Иркутском и Приамурском военных округах дает основание предположить, что основную часть мобилизованных в них резервистов составляли местные жители, хотя среди них находилось большое количество переселенцев, недавно мигрировавших в Сибирь, а также уволившиеся в запас уроженцы из других губерний Европейской России, оставшиеся в Сибири. Отмечено, что сибирские полки за годы войны 5–6 раз меняли свой кадровый состав в связи с потерями. Об этом пишет Ю.А. Фабрика. Это навело нас на мысль о необходимости искать сибиряков при учете потерь и в военных частях несибирского формирования, так как сибиряки с маршевыми ротами могли быть причислены к полкам другого места формирования, например Самары, Вологды, Рязани, Нижнего Новгорода и т.д. [23].

Историками использовались и общероссийские издания, в которых можно было обнаружить информацию о сибирских воинских формированиях, их обмундировании, вооружении и снаряжении, в том числе и в годы ПМВ. Указывается 11 сибирских стрелковых дивизий, по 4 сибирских стрелковых полка в каждой [24. С. 274–275].

В 2014 г. вышла книга А.Б. Крылова «Сибирские полки на германском фронте в годы Первой мировой войны» [25]. Данное исследование открывает новое направление в сибирской военной тематике – написание истории отдельных полков в форме изложения дневников их боевых действий. Заявив широкое название темы – Сибирские полки, автор фактически публикует дневник боевых действий 29-го (Ачинского) сибирского стрелкового полка и включает в свою монографию в форме приложения очерк о полном георгиевском кавалере Федоре Лукьяновиче Скворцове, дослужившемся в годы ПМВ от чина подпоручика до штабс-капитана, участнике и жертве Гражданской войны (погиб в 1919 г.). В качестве альтернативного героя приводится судьба однополчанина

с такой же военной биографией – Петра Ефимовича Щетинкина, штабс-капитана, оказавшегося в годы Гражданской войны по другую сторону баррикад, одного из организаторов сопротивления чехословакам и белым, воевавшего на стороне красных партизан [25. С. 349–409]. Отметим, что история отдельных воинских формирований сибиряков также находит отражение в исследованиях краеведов-реконструкторов [26].

Более широкую картину участия сибирских воинских формирований в ПМВ дает Ю.А. Фабрика в гл. III «За веру, царя и отечество!» тома I «Сибири сражающейся» [22]. Военный историк охарактеризовал военные кампании ПМВ и участие в них сибиряков. Он определил все фронты и армии, в состав которых входили сибирские корпуса, состоявшие из дивизий сибирского формирования и других частей, указал их штатную численность. В целом показал кампании по всем военным годам – 1914, 1915, 1916 и 1917 [Там же. С. 239–323]. Материал представлен на фоне общих действий российской армии. Автору удалось на основе имевшихся сочинений, появившихся в последние годы в доступе для исследователей, показать ход основных операций ПМВ, в которых участвовали сибирские соединения и части. Несомненно, исследование Ю.А. Фабрики – серьезный шаг по созданию обобщающих произведений об участии сибирских крупных воинских формирований на фронтах ПМВ.

Однако общей исследованной картины участия сибирских воинских формирований на фронтах ПМВ до сих пор не представлено, потому что этот сюжет в целом еще никем не исследовался. Только работы П.А. Новикова и Ю.А. Фабрики о роли военных округов несколько скрашивают эту печальную картину. Что, повторяю, свидетельствует о необходимости создания специальной группы исследователей для проведения подобной обобщающей работы. Имеются только отрывочные сведения, требующие обобщения. Например, немецкий генерал пехоты Э. Людендорф в мемуарах упоминает о сибирских корпусах. Известна его общая оценка сибиряков: «Сибирские армейские корпуса еще не прибыли полностью на западную русскую границу, часть их была еще в пути. Они были особенно хороши и доставили нам много хлопот» [27. С. 69–73]. Отмечает места их высадки и сосредоточения [Там же. С. 77]. В частности, он пишет: «XVII армейский корпус круто двинулся налево от Радома на Бялобжеги и 9 октября у Гройеца и восточнее его встретился с сосредоточившимися там сибирскими войсками. После *сильных* боев они были отброшены к Варшаве» [Там же. С. 78] (курсив наш. – О.К.).

Таким образом, о сибиряках в годы ПМВ в крупных исследованиях и мировой, и общероссийской литературы сведений исключительно мало или совсем нет. Например, в книге известного историка Б.Л. Гарта, описывающего сражения на Германском восточном фронте, указываются только собирательно русские [28. С. 124–135].

В связи с потерями на фронтах в армию должны были поступать пополнения. Этот сюжет не обойден вниманием ученых. Приводя общероссийские сведения, известные в науке, о том, что в армии за годы

войны находились 15 378 тыс. чел., М.В. Шиловский конкретизирует сведения по населенным пунктам Сибири, приводя конкретные факты, из которых становится ясным, что из половины дворохозяйств, поставивших призывников, в каждом крестьянском дворе призваны были от 2 до 3 мужчин. Большая часть из них никогда не служила, поэтому и возникла проблема подготовки их в тыловых запасных пехотных батальонах (полках) для фронта.

Срок подготовки исследован автором на примере сведений об очередных ротах пополнения 38-го запасного полка. Им определено, что срок подготовки длился от 4 до 20 недель. Меньше времени тратили на обучение уже служивших ранее и молодых солдат (18–20 лет). Также автор высказывает предположение о распределении по ротам с разными сроками подготовки, исходя из уровня образования, национальной принадлежности, знания русского языка, места проживания (деревня, город). Внимательно проанализирован состав тех, кто готовил, и как готовили для фронта. Описана процедура принятия присяги.

Документально подтвержден режим подготовки пополнения в рамках жесткого и напряженного распорядка. Подъем в 5 утра. В 21.00 – отбой. В каждом учебном полку имела учебная команда, в которой готовились ефрейторы и унтер-офицеры [10. С. 56–57]. В связи с отсутствием грамотных призывников из сибирской деревни в войсках постоянно испытывали дефицит ефрейторов и унтер-офицеров [Там же. С. 62–65].

Отмечен процесс изменения состава маршевых рот, которые все более (с ростом потерь на фронтах) комплектовались не из запасных, а из ратников ополчения 2-го разряда и новобранцев призывов 1916–1918 гг. уроженцев Томской и Вятской губерний. По мере напряжения с призывным контингентом стали отправлять маршевыми ротами, помимо нижних чинов запаса, ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов, белобилетников и молодых солдат досрочных призывов со сроком менее четырехнедельного обучения. С такой тенденцией по изменению состава маршевых рот можно ознакомиться и в других исследованиях и мемуарах на эту тему [15, 18, 29].

М.В. Шиловский анализирует свидетельства по качеству пополнения. Он приводит и положительные оценки генерал-лейтенанта Н.А. Сухомлинова (1917 г.), инспектировавшего Томский гарнизон, особо отмечавшего усиленную офицерскую работу с солдатами, и мнение фронтовиков, которые давали более жесткую оценку прибывавшему на фронт пополнению. Автор относит прибывших на фронт солдат к «твердым троечникам». Иногда их просто доучивали там же [10. С. 79].

Социокультурный, или социометрический, аспект представлен в форме выборки из документов ГАНО на примере Тулинской волости, находившейся в 35 верстах от Новониколаевска. Автор сравнивает физические параметры «изучаемой совокупности»: вес, рост. Среди призывников преобладали низкорослые (от 160 до 170 см) и легковесные (от 55 до 65 кг). Исследователь обращает внимание на то, что анализ призывных кампаний (ноябрь 1913 г., сентябрь 1914 г., январь–июнь 1915 г.) показывает: от призыва к призыву возрастала доля тех, кто признавался годным к строевой службе, кого можно было отправить на фронт. Отмечается формальный характер освидетельствования призывников. За день в присутствии начальника могло быть освидетельствовано от 250 до 300 призванных [Там же. С. 83–87].

Показан процесс перехода к экстренным мерам по восполнению убыли личного состава в действующей армии. Это и снижение призывного возраста на один год, и отмена отпусков «для улаживания домашних дел» после медицинского освидетельствования. С осени 1915 г. начался призыв ратников ополчения 2-го разряда, которые до этого никогда не призывались в действующую армию. Дефицит военнотружеников восполнялся и за счет переосвидетельствования раненых и возвращения излеченных в строевые части. На фронт с маршевыми ротами стали отправлять больных с хроническими болезнями [Там же. С. 88–89]. У Еремина об этом было написано ранее [15. С. 138].

Категория грамотных была небольшой – по 1–2 чел. на партию призванных [10. С. 93]. А это порождало ранее озвученную проблему пополнения унтер-офицерского состава, выбывавшего в ходе боевых действий. Обращается внимание и на такую категорию солдат, как политические ссыльные. М.В. Шиловский считает, что решение от 7 февраля 1916 г. о призыве в армию всех состоявших под судом и следствием, а также отбывавших наказание из-за дефицита грамотных привело к фатальной ошибке. «По сути был брошен зажженный факел в виде сотен профессиональных революционеров, томящихся без дела, в озлобленную и недовольную солдатскую среду» [Там же. С. 93]. Отметим, что роли революционеров в пропагандировании армии посвящено немало литературы советского периода.

Представлен и экономический потенциал региона в 1914–1917 гг. Доминирует мнение В.П. Зиновьева о слаборазвитой инфраструктуре, суровом климате и эксплуатации рабочих более дикими методами, неустроенностью быта, более тяжелыми условиями труда, обделенностью образовательными и медицинскими услугами [10. С. 109; 30. С. 152].

Серьезному испытанию подверглось сельское хозяйство Сибири за весь военный период. Сокращается поток переселенцев. Мобилизуются или реквизируются лошади – главная тягловая сила. По производству зерна Сибирь имела запасы, превышавшие ее потребности. По сведениям Г.А. Ноздрина и В.А. Ильиных, существенно уменьшилась товарность выращенного зерна: с 50% в 1914 г. до 15% в 1917 г. Крестьяне предпочитали использовать его в качестве фуража для скота, – подводит итог М.В. Шиловский.

С 1916 г. сокращается прирост рогатого скота. На экспорт масла был наложен запрет. Покупка для нужд армии происходила по твердым ценам. Управление сельскохозяйственными закупками осуществлялось через уполномоченных ГУЗиЗа (с 1915 г. – Министерство земледелия). Здесь проблемы и отсутствия складских помещений, и хранения под открытым небом, в том числе и мясных туш.

В целом подтверждаются выводы Л.М. Горюшкина и других исследователей об усилении социального расслоения деревни в военное время [10. С. 122, 124]. А в основном в деревне «была нужда – постоянная и беспросветная. Зажиточную жизнь имела лишь незначительная часть населения», – цитирует А.А. Храмова М.В. Шиловский [10. С. 125; 31. С. 160].

Несмотря на войну, продолжалась работа переселенческих организаций. Д.Н. Белянин пришел к следующим выводам: в годы Первой мировой войны для деятельности переселенческих организаций Западной Сибири были характерны две тенденции. Во-первых, эти организации не прекратили свою работу. По основным направлениям деятельности (заготовка колониционного фонда, гидротехнические работы, выдача ссуд) работы были продолжены. Вместе с тем произошло значительное сокращение масштабов многих видов работ: внутринадельного межевания, ссудного кредитования, землеотводных работ. Это стало следствием снижения количества переселенцев и ходов в 1914–1916 гг., результатом мобилизации переселенческих чинов и следствием сокращения финансирования. Во-вторых, в годы Первой мировой войны переселенческие организации вынуждены были значительно расширить свои функции, что было связано с необходимостью обеспечивать потребности фронта. Важным направлением деятельности переселенческих структур в 1914–1916 гг. стало устройство беженцев, многие из которых водворялись в Западной Сибири как переселенцы с соответствующими правами [32. С. 22].

Роль и значение Транссибирской железнодорожной магистрали обозначил известный исследователь сибирского рынка В.И. Пронин [33. С. 81]. Основываясь на его данных, М.И. Шиловский показывает, что с началом войны усилились перевозки на запад воинских эшелонов, везли хлеб, мясо, масло, уголь. В обратном направлении перевозили раненых, военнопленных, беженцев. Одновременно сократился ввоз товаров потребительского и производственного назначения. К 1916 г. этих товаров стало в два раза меньше по сравнению с 1913 г. Увеличение масштабов перевозок, дефицит вагонов и паровозов, сокращение количества квалифицированных рабочих, топливный кризис – вот причины разрухи на железных дорогах региона [10. С. 126, 132–133].

При характеристике торговли и кооперации обращено внимание на проявление распределительной роли городов, которые по мере развития военных действий на фронтах стали все более зависимы от ввоза товаров в Сибирь. После истощения запасов в торговле с 1916 г. начинает испытываться дефицит. Дается характеристика спекулятивных операций, показаны образы дельцов, наживавшихся на нуждах общества. К настоящему времени эти сюжеты исследованы В.Г. Кокоулиным [34], Е.Н. Косых, Н.М. Дмитриенко, изучавшими цены и дороговизну в Томске. За примерами роста цен автор отсылает к работе В.Г. Кокоулина, где они представлены в изобилии [10. С. 134–136].

О кооперации М.В. Шиловский отзывается как о явлении, серьезно влиявшем на преодоление снаб-

женческого дефицита [10. С. 146–147]. Источником информации для этого сюжета послужили исследования Л.М. Горюшкина, В.К. Алексеевой и Г.М. Малаховой.

В целом кредитные товарищества и кооперативы стали играть в изучаемый период заметную роль в жизни сибирской деревни, охватывая более половины крестьянских хозяйств, 2/3 всего населения. Отмечается, что кредитные товарищества в годы войны занимались несвойственными им функциями – заготовительными и торговыми.

Автор пишет о значительном развитии потребительской кооперации. Если до войны она в основном объединяла сельских жителей, то тотальная дороговизна стимулировала создание подобных объединений в городах. Главную цель эти объединения видели в стремлении сберечь «трудовую копейку», получить доступ рядовым горожанам к дешевым и качественным потребительским товарам [Там же. С. 149].

Опираясь на исследование В.М. Рыкова, М.В. Шиловский обобщает: «Финансовый дефицит с осени 1914 г. привел к повышению ставок основных налогов: промыслового, квартирного, с городской недвижимости, кибиточной подати. Сократился список льготников (кинотеатров, издательств, маломерных речных судов). Выросла оброчная подать с крестьян Томской и Тобольской губерний на 16%, а земские налоги и сборы в 1915–1917 г. по сравнению с предыдущим трехлетием – на 32% [10. С. 151; 35].

В.П. Зиновьев и С.Ф. Фоминых приходят к общему заключению в оценке стратегического потенциала Сибири в годы ПМВ: в период Первой мировой войны Сибирь была серьезным стратегическим ресурсом России. Привлекался ее демографический, экономический, природный потенциал. Сибирские ресурсы не были использованы в период Первой мировой войны в полной мере из-за распада транспортной системы и организационной беспомощности властей [36. С. 57].

Тема экономического потенциала Сибири и ее реального вклада в экономику сражающейся страны в настоящее время продолжает основательно прорабатываться историками [37. С. 90–96].

Исследуется военная повседневность тыла.

Э. Е. Шумилова анализирует уровень медицинского обслуживания населения в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг., на основе вводимых в научный оборот архивных источников делает вывод о том, что в годы Первой мировой войны в Омске, Томске, Новониколаевске и Барнауле оно было организовано на неудовлетворительном уровне [38]. Неисследованным остается вопрос о лечении и восстановлении здоровья раненых на курортах Сибири, в частности на курорте Озеро Карачи.

Характеристику повседневности М.В. Шиловский начинает с положения с ранеными и больными военнослужащими, показывает цифры военных потерь России в Первой мировой войне, используя ранее опубликованные наиболее известные работы – «Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925» и «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М.,

2001». Рост раненых привел к необходимости отправлять их за Урал, в Сибирь. В основном автор характеризует саму тенденцию по разным районам региона, используя краеведческие исследования, посвященные истории городов, мемуарные источники, уставы обществ помощи раненым и больным воинам, материалы военных историков – Ю.А. Фабрики, Ю.П. Горелова, И.А. Еремина. Раскрываются основные направления деятельности Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, его вклад в организацию врачебно-питательных отрядов на фронте, питательно-остановочных пунктов в городах, строительство специальных домов для инвалидов, а также в проявление инициативы на местах по увековечиванию памяти воинов – жертв войны.

У И.А. Еремина есть параграф, посвященный помощи семьям мобилизованных на военную службу. Он отмечает: чтобы выполнить царский указ от 29 августа 1914 г. «О порядке приведения в действие закона от 25 июня 1912 г. в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную службу» в условиях масштабного призыва, необходима была общественная поддержка по учету семейств, которым должны были выдаваться пайки за призванных, так как всего административного аппарата на всех уровнях не хватало для полноценного учета нуждавшихся [13. С. 140].

Автор перечисляет все структуры по оказанию помощи семьям призванных. Прежде всего, это городское самоуправление губернии. Городские думы стали выделять средства из своих бюджетов на единовременные пособия, на учет нуждавшихся. Обратил внимание на сословные организации губернии, такие как Барнаульское мещанское общество, организации рабочих и служащих, например служащих Томской железной дороги. Показаны огромный поток индивидуальных пожертвований, создание городских попечительств помощи семьям призванных воинов. В сельской местности губернии активно создавались волостные попечительства. Сельские попечительства оказывали денежную и продовольственную помощь солдатским семьям в уборке урожая. В губернии были созданы уездные комитеты «по призрению семей запасных». Решали проблемы с топливом. Выдавали порученные билеты и т.п. [Там же. С. 141–142].

И.А. Еремин объясняет появление благотворительных организаций двумя причинами. Во-первых, было очевидно, что на проведение предварительной работы по составлению списков на выплату пособий будет уходить несколько недель. А благотворительные организации через своих членов могли это сделать гораздо быстрее и оперативно производить выдачу пособий. Во-вторых, как показали подробные обследования семей Томской губернии, многие из них находились на грани нищеты, а помощь государства была крайне недостаточной. Поэтому привлечение средств жертвователей являлось как бы фактом причастности их к борьбе с врагом, солидарности с русской армией [Там же. С. 158].

Отдельно автором охарактеризована работа РПЦ по организации благотворительной деятельности, рабо-

тавшей в связке с благотворительными организациями, созданными императорской семьей. Расписана структура попечительств от епархиальных до приходских, которые работали во взаимодействии с уездными и волостными попечительствами [13. С. 160–161]. Детально проблема церковной благотворительности в годы ПМВ на территории Томской губернии, особенно кружков дам духовного состояния, начата в разработках Ю.А. Зноско и О.Н. Катионова [39. С. 26–30].

Общий вывод И.А. Еремина таков: «Целенаправленная деятельность региональных властей всех уровней: от губернской администрации до городских управ, от крестьянских начальников до волостных правлений, позволила достаточно оперативно создать систему организации помощи семьям мобилизованных для реализации на практике положений закона 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». Тем не менее регулярно выплачиваемые государством пособия из-за более чем скромных размеров были явно недостаточными для поддержания относительно нормального уровня жизни солдатских семей. В связи с этим местные власти всячески способствовали проявлению общественной инициативы в создании различных благотворительных обществ. Объем благотворительной помощи в регионе был соизмерим с масштабами государственной поддержки солдатским семьям. Сложившаяся система помощи была востребована новыми властями после выхода России из мировой войны» [13. С. 165].

И.А. Ереминым и М.В. Шиловским не обойдена вниманием тема, названная первым как забота о больных и раненых воинах в Томской губернии, а вторым – как военная благотворительность. Характеристикой широкого патриотического подъема является помощь армии со стороны многочисленных общественных организаций и частных лиц в виде сбора добровольных пожертвований для фронта. Отмечено, что помимо предпринимателей, основной вклад в фонд армии вносили небогатые горожане и крестьяне.

О размерах и формах военной благотворительности М.В. Шиловский попытался составить представление на основе мемуаров И.И. Серебrenникова и летописи города Иркутска Нита Степановича Романова.

Несмотря на то что к 1917 г. поток благотворительности ослабевает, автор заключает, что вплоть до начала 1917 г. население Сибири оказывало поддержку и благотворительную помощь действующей армии как в форме сбора денежных средств и материальных ресурсов, так и путем поддержки фронтовиков и отправки им подарков. На это обращает внимание специально занимающийся вопросом церковной благотворительности Ю.А. Зноско, который, пересчитав данные цифровых отчетов кружков дам духовного звания, в отличие от И.А. Еремина, пришел к выводу о том, что объемы благотворительной помощи этих кружков вплоть до конца 1916 г. нарастали [40. С. 97–98].

Не обойдена вниманием военная тематика в общественных настроениях. Авторы обращают внимание на общественный резонанс, вызванный Первой мировой войной. Все исследователи отмечают, что рост патриотических чувств был повсеместным. Отмечена

смена отношения к участию страны в ПМВ по мере накопления усталости страны и понесенных поражений. Описываются случаи открытого неповиновения и бунтов при решении продовольственного дефицита. Например, «сахарный бунт» в Новониколаевске 9 ноября 1916 г. В деревне основными способами борьбы с дороговизной стали поджоги и разгромы лавок местных купцов [10. С. 234].

Важнейшим дополнением к общей характеристике жизни региона является показ политических и неполитических объединений в регионе во время войны. М.В. Шиловский как знаток общественной жизни Сибири этого периода по материалам областников, правых и левых сил отмечает в политической сфере обвальное снижение активности радикальных формирований (социал-демократы, эсеры, анархисты). Однако с конца 1915 г. ситуация начинает меняться в связи с ухудшением ситуации на фронте и развитием политического кризиса.

По мнению М.В. Шиловского, поддерживаемого И.А. Ереминым, разложению тыловых частей способствовал призыв в армию политических ссыльных, эсеров и социал-демократов, многие из которых впоследствии возглавили политические органы власти после падения царизма [Там же. С. 251–252].

Характеризуя либеральную часть сибирского общества, М.В. Шиловский отметил поддержку либералами правительства и их активные действия по помощи армии. Исследователь пишет, что ахиллесовой пятой всех общественных неполитических объединений как элементов гражданского общества в 1914–1916 гг. являлся кадровый дефицит. Практически во всех обществах состояли одни и те же лица. Это проявилось и в перенапряжении нравственных и физических сил активной части сибирской интеллигенции [Там же. С. 268].

Отдельно поставлен вопрос о роли конфессий в годы войны.

Отметив поликонфессиональный на многонациональной основе состав населения Сибири, М.В. Шиловский обратил особое внимание на православие как доминировавшую религию, показал огромный вклад служителей церкви в организацию помощи фронтовикам, их семьям. Автор основывается на работах историков С.А. Исакова, Н.М. Дмитриенко, О.Н. Устьянцевой [41] и Справочной книге по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914 [Там же. С. 274–276].

С началом войны по распоряжению епископов и решению съездов духовенства епархий Сибири принято было решение об отчислении с доходов и жалования духовенства на военные нужды от 2 до 5% с назначением этих средств на обеспечение солдатских семейств, нужды больных и раненых воинов, открытие и содержание епархиальных приютов для детей воинов [Там же. С. 278].

Духовенство того времени активно участвовало в увековечении памяти погибших на фронте. М.В. Шиловский приводит только два примера такого процесса в Барнауле и Семипалатинске, где собирались установить мемориальные доски в храмах. Ю.А. Фабрика пишет о увековечении памяти погибших и умерших воинов в Новониколаевске [Там же. С. 278].

Конспективное указание М.В. Шиловского на «Томские епархиальные ведомости» как источник информации о благотворительности в губернии требует более основательного анализа материалов, опубликованных в этих газетах.

Патриотическую деятельность русской православной церкви Ю.А. Фабрика рассматривает на примере Томской епархии [22. С. 641–681]. Называет Ю.А. Фабрика и священников сибирских полков, отличившихся в боях. Данные о них обнаружены в РГВИА [Там же. С. 466–467]. Он же пишет и о церковных сборах (И.А. Еремин более тематически исследует этот вопрос). Исследование Ю.А. Фабрики отличает большое количество фактов о деятельности и примерах служения не только священников, но и всех персонажей событийной истории ПМВ. Это правильно, если рассуждать о теме формирования исторической памяти и дани поминовения героев ПМВ, в том числе и от РПЦ. Однако подвиг священнослужителя Константина Пасхака, получившего пять пулевых ранений и бежавшего из плена, остался вне поля зрения исследователей, хотя о нем писали те же «Томские епархиальные ведомости» и знают уже читатели периодической печати в Сибири [42].

На необходимость увековечения памяти участников Первой мировой войны в Западной Сибири как фактор восстановления дореволюционных воинских традиций обратил внимание И.А. Еремин [43]. Появляются краеведческие работы о солдатах, погибших во время мировой и Гражданской войн [44. С. 138–154].

Но не все проблемы вошли в широкое поле той информации, которой обладают авторы, несмотря на их обширные познания в данной сфере. Проблема учета убитых, раненых и пропавших без вести сибиряков, учет боевых действий каждой сибирской части, кроме общей картины конспективного характера и небольшой части историй отдельных сибирских полков, не освещены. Но это не недостаток, а глобальная проблема, которую не может решить один специалист, даже такой, каким, например, является М.В. Шиловский, для этого необходима целая программа и коллектив на уровне Института истории СО РАН либо какого-то иного исследовательского центра. Заслугой М.В. Шиловского являются постановка такой широкой проблемы, как Сибирь в годы войны, и освещение большинства проблем, относящихся к этой теме.

Пока М.В. Шиловский писал монографию, вышли из печати новые работы Ю.А. Фабрики, освещающие часть проблем работы автора, подготовлены «Списки убитых, раненых и пропавших без вести жителей Новосибирской области» (фактически части Томской губернии) под ред. О.Н. Катионова. К 2018 г. Минобороны совместно с военно-историческим обществом должно издать общероссийский список убитых, раненых и пропавших без вести нижних чинов Российской императорской армии. Это создаст возможность для более полного выявления сибиряков порегионально и поучездно, усилив краеведческое значение изысканий. Начинает просыпаться общественное сознание по увековечению памяти о погибших сибиряках. В г. Куйбышеве Новосибирской области (бывшем Каинске)

27 июля 2015 г. по инициативе начальника отдела культуры г. Куйбышева Г.И. Пономаревой была открыта мемориальная доска в память о жителях Каинского уезда, погибших в годы ПМВ. Идет накопление материалов по теме «Сибирь и ПМВ» в отдельных коллективах, отдельными авторами, появляются новые направления исследований темы ПМВ и Сибири. Вышли статьи и другие работы по сибирской тематике в годы ПМВ, в которых отмечаются и германофобские

настроения [45], и общее положение Сибири [46], и частные вопросы подготовки унтер-офицерских кадров для управления нижними чинами [47]. Обобщение, впервые созданное на таком уровне М.В. Шиловским, дает основание верить не только в создание более обширного обобщающего труда, но и в углубление проблематики каждого из направлений, выделенных автором в издании 2015 г. Тема ПМВ продолжает разрабатываться и уже выходит на уровень энциклопедии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Первая мировая война : историографические мифы и историческая память : в 3 кн. Кн. I : Народы Российской империи / под ред. О.В. Петровской. М., 2014. 250 с.; Кн. 3 : Вторая Отечественная война России. 1914–1917 / под ред. П.В. Мультаули. М., 2014. 244 с.
2. Сурьев В.Н. Русская императорская армия накануне и в годы Великой войны. М. : Русская панорама, Русское историческое общество, 2015. 384 с.
3. Трошина Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск : ИД САФУ, 2014. 347 с.
4. Сибирь в войнах начала XX века : материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск : Резонанс, 2014. 304 с.
5. Сибирь в войнах начала XX века. Сибирь и войны XIX–XX веков : тез. Всерос. [с междунар. участ.] науч. конф. (г. Новосибирск, 8–9 июня 2014 г.). Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 170 с.
6. Баяндин В.И., Запорожченко А.В. Конференция «Сибирь и войны XX–XXI веков» (г. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 116–118.
7. Ларьков Н.С. Генерал Анатолий Пепеляев: начало военной карьеры // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 106–112.
8. Новиков П.А. Документация о людских потерях сибирских стрелковых полков в Первой мировой войне // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 92–97.
9. Гуманитарные науки в Сибири. 2014. Т. 22, № 3.
10. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В.П. Зиновьев ; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
11. Копылов В.А., Милухин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995.
12. Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003.
13. Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005.
14. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003.
15. Новиков П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне : 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
16. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2015. Т. II.
17. Еремин И.А., Кижаева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны // История Алтайского края XVIII–XX вв. : научные и документальные материалы. Барнаул, 2005.
18. Шишкина С.Ю. Война и общественные настроения: 1914-й год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник Тюмень, 2000. Вып. 4.
19. Аксенов В.Б. Социально-психологическая атмосфера российского общества в 1914–1917 годах: к природе слухов и фобий // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 119–132.
20. Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994.
21. Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск : Земля Иркутская, 2009. 352 с.
22. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск : Сибир. кн. изд-во, 2014. Т. I. 608 с.
23. Катионов О.Н., Зноско Ю.А., Хорохордин Г.С. Списки убитых, раненых и пропавших без вести жителей (солдат) Новосибирской области в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) (составлены на основе четырех уездов Томской губернии: Барнаульского, Каинского, Кузнецкого и Томского) / авт.-сост. О.Н. Катионов, Ю.А. Зноско, Г.С. Хорохордин ; ред., вступ. ст. О.Н. Катионов. Новосибирск, 2015. Вып. I. 290 с.
24. Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918 // История российских войск. М., 1998. С. 274–275.
25. Крылов А.Б. Сибирские полки на германском фронте в годы Первой мировой войны. М. : Кн. мир, 2014. 416 с.
26. Ладыгин И.В. История 41-го полка. Новосибирск, 2014.
27. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем. А.А. Свечина. М. : Вече, 2014. 407 с. (Военные мемуары).
28. Лиддел Г.Б. История Первой мировой войны 1914–1918. М. : АСТ, 2015. 579 с.
29. Серебренников И.И. Претерпев судьбы удар. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
30. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.
31. Храмов А.А. Село Ирбино Чернокурьянской волости Барнаульского уезда в 1917 году // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. XX.
32. Белянин Д.Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Известия Алтайского государственного университета 2009. Вып. № 4–4. С. 15–22.
33. Пронин В.И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.). Новосибирск, 1999.
34. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013.
35. Рынков В.М. Налогообложение сибирской деревни в условиях войн и революционных потрясений (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004.
36. Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3 (37). С. 48–61.
37. Горелов Ю.П., Ростов Н.Д., Еремин И.А. Вклад Сибири в обеспечение российской армии продовольствием в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 90–96.
38. Шумилова Э.Е. Первая мировая война и уровень медицинского обслуживания населения в крупных городах Западной Сибири (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 24–30.
39. Катионов О.Н., Зноско Ю.А. Кружки дам духовного звания Томской губернии в годы Первой мировой войны // Интерэкспо-ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр., 18–22 апреля 2016 г. Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: история и современность» : сб. материалов : в 2 т. Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. I. С. 26–30.

40. Зноско Ю. А. Деятельность Томского кружка дам духовного звания в годы Первой мировой войны // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: История. Новосибирск, 2016. С. 97–98.
41. Устьянцева О.Н. Система управления Томской епархией в XIX – начале XX в. // Русская православная церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.) : исторические очерки. Кемерово, 2007.
42. Бийский рабочий. 2014. 13 февр. URL: <http://biwork.ru/wp-content/uploads/2014/02/sib.jpg>
43. Еремин И.А. Увековечение памяти участников Первой мировой войны в Западной Сибири как фактор восстановления дореволюционных воинских традиций // Вестник АлтГПУ. 2014. № 18. С. 47–49.
44. Павлова Н.И., Гайер И.Н. Сыны земли каинской на фронтах Первой мировой // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 6. С. 138–154.
45. Алишина Г.Н. Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны в «центре» и «на местах» Российской империи: реализация мер по борьбе с немецким засильем в Томской губернии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 14–23.
46. Катионов О.Н., Баяндин В.И. Сибирь в годы Первой мировой войны // Интерэкспо-ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр., 18–22 апреля 2016 г. Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: история и современность» : сб. материалов : в 2 т. Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. С. 9–15.
47. Никулин Д.О. Подготовка унтер-офицеров и ефрейторов в сибирском тылу во время Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 118–121.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2016 г.

THE THEME OF THE FIRST WORLD WAR AND SIBERIA IN MODERN RESEARCH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 53–63.

DOI: 10.17223/15617793/411/8

Oleg N. Kationov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: korolek1953@gmail.com

Keywords: World War; Siberia; rear; mobilization; aid; historiography.

The article describes the results of the synthesis and the overall estimated state of historical research in different areas of Siberia during the First World War of 1914–1918. As a result, the author concluded that the topic of the First World War and Siberia is actively studied in the circles of Siberian historians in different directions. It was necessary to combine these areas and create a synthesis study. M.V. Shilovskiy managed to do it. Totally, four directions were identified and described in which the first complex work was made: 1) the military potential of Siberia and its contribution to the First World War in historians' research were assessed. Key researchers involved in this subject were identified, their works were described; 2) the region's economy, the main trends of its development, the main directions of research on wartime economy were analyzed; 3) the pattern of everyday life of the Siberian military logistics was shown, issues of state support for families and charitable aid designed for the army, the wounded and refugees were updated; 4) daily life was linked with the social, political, religious and cultural life of the region in terms of the military, political and religious status of the components in the different periods of the First World War. The problem of having to roll account the combat losses of Siberians during the Great Patriotic War was raised, works in this direction were analyzed. The question of the need to immortalize the memory of the participants of the First World War was discussed. The contribution of historians to this topic was assessed. It is noted that despite the merit of M. Shilovskiy in setting the important problem of Siberia during the war and in covering most issues concerning it, not all the problems are included in the broad field of information the authors have. The problem of accounting of the killed, wounded and missing Siberians, of fights each Siberian part had is not studied, except for the overall general picture and several histories of individual Siberian regiments. There is no all-Siberian information on aid organization for mobilized families, the wounded, the disabled, refugees. Some of the material is covered by regions and in fragments. But this is not a fault, but a global problem that a single expert, like, for example, M.V. Shilovskiy, cannot solve; it can be solved by a comprehensive program, a group of experts at the level of the Institute of History SB RAS, or of a research center. The theme continues to be developed and already reaches the level of the need to prepare an encyclopedia of the state of Siberia during the First World War.

REFERENCES

1. Petrovskaya, O.V. (ed.) (2014) *Pervaya mirovaya voyna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat': v 3 kn.* [The First World War: historiographical myths and historical memories: in 3 vols]. Vols 1, 3. Moscow: RISI.
2. Suryaev, V.N. (2015) *Russkaya Imperatorskaya Armiya nakanune i v gody Velikoy voyny* [Russian Imperial Army before and during the Great War]. Moscow: Russkaya panorama, Russkoe istoricheskoe obshchestvo.
3. Troshina, T.I. (2014) *Velikaya voyna i Severnyy kray: Evropeyskiy sever Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Great War and the Northern Territory: European North of Russia during the First World War]. Arkhangelsk: NArFU.
4. Rezonans. (2014) *Sibir' v voynakh nachala 20th veka* [Siberia in the wars of the early 20th century]. Materials of the Siberian history forum. Krasnoyarsk. 3–6 December 2013. Krasnoyarsk: Rezonans.
5. Novosibirsk State Pedagogical University. (2014) *Sibir' i voyny XIX–XX vekov* [Siberia and the war of the 19th–20th centuries]. Proceedings of the all-Russian conference. Novosibirsk. 8–9 June 2014. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
6. Bayandin, V.I. & Zaporozhchenko, A.V. (2014) Siberia and Wars of the XX Centuries conference (Novosibirsk, on June 8–10, 2014) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (31). pp. 116–118. (In Russian).
7. Lar'kov, N.S. (2014) General Anatoly Pepeliaev: the beginning of the military career. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 106–112. (In Russian).
8. Novikov, P.A. (2009) The documents about casualties of Siberian rifle regiments in the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 319. pp. 92–97. (In Russian).
9. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 22:3.
10. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
11. Kopylov, V.A., Milyukhin, V.P. & Fabrika, Yu.A. (1995) *Sibirskiy voennyi okrug. Pervye stranitsy istorii (1865–1917)* [Siberian Military District. The first pages of history (1865–1917)]. Novosibirsk.
12. Rashchupkin, Yu.M. (2003) *Irkutskiy voennyi okrug vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov: formirovaniye, spetsifika i deyatel'nost'* [Irkutsk military district in the second half of the 19th – early 20th centuries: formation, specificity and activities]. Irkutsk: Vost-Sib. MVD Rossii.
13. Eremine, I.A. (2005) *Tomskaya guberniya kak tylovoy rayon Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Tomsk Province as a rear area of Russia during the First World War (1914–1918)]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.

14. Gorelov, Yu.P. (2003) *Sibiryaki na zashchite Otechestva v voynakh nachala XX veka* [Siberians defending the Homeland in the wars of the early 20th century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
15. Novikov, P.A. (2008) *Vostochno-Sibirskie strelki v Pervoy mirovoy voyne: 2-y, 3-y, i 7-y Sibirskie armeyskie korpusa v 1914–1918 gg.* [East Siberian gunners in the First World War: the 2nd, 3rd, and 7th Siberian Army Corps in 1914–1918]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University.
16. Fabrika, Yu.A. (2015) *Sibir' srazhayushchayasya. Omskiy voennyy okrug v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Siberia fighting. Omsk Military District in the First World War of 1914–1918]. Vol. 2. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
17. Eremin, I.A. & Kizhaeva, T.A. (2005) *Altay v gody Pervoy mirovoy voyny* [Altai during the First World War]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Istoriya Altayskogo kraya XVIII–XX vv.: nauchnye i dokumental'nye materialy* [History of Altai Krai of the 18th–20th centuries: research and documental materials]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
18. Shishkina, S.Yu. (2000) *Voyna i obshchestvennyye nastroyeniya: 1914-y god (na materialakh Tobol'skoy gubernii)* [The war and the public mood: 1914 (on materials of Tobolsk Province)]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. 4.
19. Aksenov, V.B. (2015) Social and psychological atmosphere of Russian society in 1914–1917: to the origin of rumours and phobias. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 14:1. pp. 119–132. (In Russian).
20. Smirnov, N.N. (1994) *Slovo o zabaykal'skikh kazakhkh. Ist. ocherk-khronika* [Word on the Trans-Baikal Cossacks: a historical essay-chronicle]. Volgograd: Volgogr. kom. po pechati.
21. Romanov, G.I. & Novikov, P.A. (2009) *Irkutskoe kazachestvo (2-aya polovina XVII – nachalo XX v.)* [Irkutsk Cossacks (the second half of the 17th – beginning of the 20th centuries)]. Irkutsk: Zemlya Irkutskaya.
22. Fabrika, Yu.A. (2014) *Sibir' srazhayushchayasya. Omskiy (Sibirskiy) voennyy okrug v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Siberia fighting. Omsk (Siberia) Military District in the First World War of 1914–1918]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe kn. izd-vo.
23. Kationov, O.N., Znosko, Yu.A. & Khorokhordin, G.S. (2015) *Spiski ubitykh, ranenyykh i propavshikh bez vesti zhitel'ey (soldat) Novosibirskoy oblasti v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) (sostavleny na osnove chetyrekh uездov Tomskoy gubernii: Barnaul'skogo, Kainskogo, Kuznetskogo i Tomskogo)* [Lists of the killed, wounded and missing inhabitants (soldiers) of Novosibirsk Oblast during the First World War (1914–1918) (Compiled on the basis of the four districts of Tomsk Province: Barnaul, Kainsk, Tomsk and Kuznetsk)]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
24. Leonov, O. & Ul'yanov, I. (1998) *Regulyarnaya pekhota 1855–1918* [Regular infantry in 1855–1918]. In: Leonov, O. & Ul'yanov, I. *Istoriya rossiyskikh voysk* [History of Russian troops]. Moscow: AST.
25. Krylov, A.B. (2014) *Sibirskie polki na germanskom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny* [Siberian regiments on the German front during the First World War]. Moscow: Kn. mir.
26. Ladygin, I.V. (2014) *Istoriya 41-go polka* [History of the 41st Regiment]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
27. Ludendorff, E. (2014) *Moi vospominaniya o voyne 1914–1918 gg.* [My memories of the war of 1914–1918]. Translated from German by A.A. Svechin. Moscow: Veche.
28. Liddel, G.B. (2015) *Istoriya Pervoy mirovoy voyny 1914–1918* [History of the First World of 1914–1918]. Moscow: AST.
29. Serebrennikov, I.I. (2008) *Preterpev sud'by udar. Dnevnik 1914–1918 gg.* [After suffering the blow of fate. Diary of 1914–1918]. Irkutsk: Izdatel' Sapronov.
30. Zinov'ev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial personnel of old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Khramkov, A.A. (2000) *Selo Irbino Chernokur'inskoy volosti Barnaul'skogo uyezda v 1917 godu* [Village Irbino of Chernokurinskaya volost of Barnaul district in 1917]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed.) *Altayskiy sbornik* [Altai collection]. Vol. 20. Barnaul: OAO "Alt. poligr. kombinat".
32. Belyanin, D.N. (2009) The Main Directions of Migration Organizations Activity in the Western Siberia during World War I (1914–1916). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*. Vyp. 4–4. pp. 15–22. (In Russian).
33. Pronin, V.I. (1999) *Sibir' v sostave vsrossiyskogo i mirovogo rynkov v nachale XX v. (1897–1917 gg.)* [Siberia as part of national and world markets at the beginning of the 20th century. (1897–1917)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
34. Kokoulin, V.G. (2013) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri v voenno-revolutsionnyye gody (iyul' 1914 – mart 1921 g.)* [The daily life of the citizens of Siberia in the military-revolutionary years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Sibir' - Nauka: XXI vek.
35. Rynkov, V.M. (2014) *Nalogooblozhenie sibirskoy derevni v usloviyakh voyn i revolyutsionnykh potryaseniy (1890–1920-e gg.)* [Siberian village taxation during wars and revolutionary upheavals (1890s–1920s)]. Novosibirsk.
36. Zinov'ev, V.P. & Fominykh, S.F. (2014) Siberia as strategic resource of Russia in the period WWI. *Rusin*. 3 (37). pp. 48–61. (In Russian).
37. Gorelov, Yu.P., Rostov, N.D. & Eremin, I.A. (2015) The Role of Siberia in the Provision of Russian Army in World War I. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 4 (17). pp. 90–96.
38. Shumilova, E.E. (2016) The First World War and the level of medical care in the cities of Western Siberia (1914–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (40). pp. 24–30. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/40/3
39. Kationov, O.N. & Znosko, Yu.A. (2016) [Circles of ladies of clergy in Tomsk Province in the First World War]. *Global'nye protsessy v regional'nom izmerenii: istoriya i sovremennost'* [Global processes in the regional dimension: Past and Present]. Proceeding of the XII international congress. 18–22 April 2016. Vol. 1. Novosibirsk: SGUGiT. pp. 26–30. (In Russian).
40. Znosko, Yu.A. (2016) [Activities of the Tomsk circle of ladies of clergy in Tomsk Province in the First World War]. MNSK-2016: Istoriya [MNSK-2016: History]. Proceedings of the 54 international student conference. Novosibirsk. pp. 97–98. (In Russian).
41. Ust'yantseva, O.N. (2007) Sistema upravleniya Tomskoy eparkhii v XIX – nachale XX v. [The supervision system of Tomsk diocese in the 19th – early 20th centuries]. In: Volchek, V.A. et al. (eds) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' yuga Zapadnoy Sibiri (XIX–XX vv.): istoricheskie ocherki* [Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia (19th and 20th centuries): historical essays]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
42. *Biyskiy rabochiy*. (2014) 13 February. [Online] Available from: <http://biwork.ru/wp-content/uploads/2014/02/sib.jpg>.
43. Eremin, I.A. (2014) Uvekovechenie pamyati uchastnikov Pervoy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri kak faktor vosstanovleniya dorevolutsionnykh voinskikh traditsiy [Commemoration of the participants of the First World War in Western Siberia as the factor of restoration of the pre-revolutionary military tradition] *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 18. pp. 47–49.
44. Pavlova, N.I. & Gayer, I.N. (2014) The sons of the Kainsk earth on the fronts of the First World War. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 138–154. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1406.12>
45. Alishina, G.N. (2016) Anti-German campaign in the First World War in the “center” and “on the ground” of the Russian Empire: the implementation of measures against German dominance in the Tomsk province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (40). pp. 14–23. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/40/2
46. Kationov, O.N. & Bayandin, V.I. (2016) [Siberia during the First World War]. *Global'nye protsessy v regional'nom izmerenii: istoriya i sovremennost'* [Global processes in the regional dimension: Past and Present]. Proceeding of the XII international congress. 18–22 April 2016. Vol. 1. Novosibirsk: SGUGiT. pp. 9–15. (In Russian).
47. Nikulin, D.O. (2016) The training of non-commissioned officers in the Siberian rear during the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2016. 409. pp. 118–121. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/409/19

Received: 20 September 2016